

RU

Путь-дорога к звездам: о специфике трансформации фольклорной волшебной сказочной традиции в романе А. Беляева «Звезда Кэц»

Пономарева Д. В.

Аннотация. Цель работы – выявить особенности переосмысления фольклорной волшебной сказочной традиции в романе А. Беляева «Звезда Кэц» (1936 г.). Научная новизна исследования обусловлена тем, что в статье впервые предпринимается анализ специфики функционирования традиционных элементов сказочной поэтики, образующих комплекс «путь-дорога», который предстает в романе путешествием-инициацией, и дается характеристика нового типа героя-ученого 1930-х гг., проходящего этот путь. В результате исследования установлено, что движение главного героя романа от нехватки к ее ликвидации через прохождение пограничных локусов, отличающихся синтезом примет «своего» и «чужого» пространств, обеспечивает переход героя в качественно новое состояние. Путь-дорога осмысливается как инициация главного героя, в процессе которой научное изучение и преобразование мира связывается с самореализацией познающего. Превращение «чужого» в «свое» предстает не чудом, а закономерным результатом напряженной работы всего человечества. На смену ученым-одиночкам из произведений Беляева 1920-х годов приходит ученый-труженик, для которого большое значение имеет поддержка коллектива единомышленников. Если для Артемьева путешествие конечно, то путь-дорога человечества к звездам изображается как принципиально бесконечное движение, важная составляющая эволюции познания окружающего мира и самопознания.

EN

The path-road to the stars: On the specifics of transformation of the folklore magical fairy-tale tradition in A. Belyaev's novel "Kets Star"

Ponomareva D. V.

Abstract. The paper aims to determine how the folklore magical fairy-tale tradition is reinterpreted in A. Belyaev's novel "Kets Star" (1936). The paper is original in that it is the first to analyze the specifics of the functioning of traditional elements of fairy-tale poetics forming the path-road complex, which appears in the novel as an initiation journey, and to characterize a new type of a scientist protagonist of the 1930s, who follows this path. As a result of the research, it has been found that the protagonist's movement from shortage to its elimination through the passage of border loci characterized by the synthesis of the features of "one's own" and "foreign" spaces ensures the protagonist's transition to a qualitatively new state. The path-road is understood as the protagonist's initiation in the process of which the scientific study and transformation of the world is associated with the self-realisation of the cognizer. The transformation of "foreign" into "one's own" does not appear to be a miracle, but a natural result of the hard work of all mankind. Solitary scientists from Belyaev's 1920s novels are replaced by a hard-working scientist for whom the support of a team of like-minded people is of great importance. While Artemyev's journey has an end, the path-road of humanity to the stars is depicted as a fundamentally endless movement, an important component in the evolution of knowledge of the surrounding world and self-knowledge.

Введение

Современные исследователи неоднократно подчеркивали, что в отечественной традиции фантастика на протяжении XX века в первую очередь ассоциировалась с фантастическим повествованием «прогрессивного» типа, которое базировалось на научной картине мира, утверждало и поддерживало в читателе «оптимистическую веру в светлое будущее, где заботы о хлебе насущном возьмут на себя машины, а людям останется бесконечный путь познания, физическое и нравственное совершенствование» (Ковтун, 2016, с. 118). Одним

из основоположников этой традиции является А. Беляев, в творчестве которого одной из важнейших тем всегда была тема «улучшения человека», «воплощение мечты о гармоничном, необыкновенном, “новом” человеке» и связанные с ней размышления о «власти человека над миром и над самим собой» (Ляпунов, Нудельман, 1963, с. 13). Е. А. Иваньшина в своей статье о творчестве фантаста отмечает, что Беляев был увлечен «проблемой преодоления человеком границ возможного» (2016, с. 29) и расширения привычной картины мира. Во многих произведениях писателя эта проблема решалась героями нового типа – учеными, для которых наука становилась «смыслом жизни, главной составляющей их деятельности», именно они наделялись способностью «преобразить мир благодаря своему таланту» (Гусейнов, 2013, с. 52, 55). Фантастические возможности, открывавшиеся перед героями Беляева силами науки, во многом делали их похожими на героев фольклорных волшебных сказок, которые сам писатель называл «предшественниками научной фантастики» (цит. по: Неелов, 1986а, с. 11). Как замечает в своей диссертации Д. И. Старцев, синтез «в рамках одного романа элементов реалистического повествования с фольклорными» (2021b, с. 9) был характерен и для позднего «ленинградского» периода творчества фантаста, когда в 1936 г. был написан роман «Звезда Кэц» (уточним, что название станции в статье мы приводим так, как это делал сам Беляев в тексте произведения – Кэц, а не КЭЦ).

Актуальность исследования обусловлена возросшим за последнее десятилетие интересом к творчеству А. Беляева и появлением работ, в которых предпринимаются попытки преодолеть сложившееся в советском литературоведении представление о фантасте – популяризаторе науки и авторе авантюрно-приключенческих произведений, привлекающих исключительно юношескую аудиторию, и изучить художественный мир писателя с точки зрения категорий исторической поэтики, посмотреть на Беляева как на писателя мирового уровня. Актуализация специфики осмысления фольклорно-сказочной традиции в романе «Звезда Кэц», одном из первых в русской литературе произведений, относящихся к «твердой» космической фантастике, и определение роли традиционной культуры в формировании оригинального авторского типа фантастического повествования позволят не только иначе взглянуть на художественный метод Беляева, но и наметить новые пути решения вопроса о влиянии беляевской традиции как на классическую советскую фантастику 1950-1970-х гг., так и на современную фантастическую беллетристику и массовую литературу, которые все чаще становятся объектом специальных литературоведческих исследований.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) вычленив структурные фольклорно-сказочные элементы в романе А. Беляева «Звезда Кэц»; 2) определить своеобразие функционирования традиционных элементов поэтики волшебной сказки в исследуемом произведении; 3) охарактеризовать специфику переосмысления фольклорно-сказочного комплекса «путь-дорога» в романе.

В ходе исследования будем опираться на представление о генетическом характере связи волшебной сказки и научно-фантастического (НФ) романа, позволяющей говорить об определенном «фольклоризме НФ, запрограммированном самими условиями жанра и не зависящем от субъективных намерений того или иного писателя-фантаста» (Неелов, 1986b, с. 163). Особый интерес для нас представляет такой элемент сказочной поэтики, как путь-дорога, который основывается на идее движения героя в пространстве: путь – это реализация или не-реализация дороги, т. е. «вне пути нет дороги», а дорога «может быть проложена везде, где человеку – путь» (Неелов, 1986а, с. 97). В работе применяются сравнительно-исторический и культурно-исторический методы и метод целостного анализа художественного произведения.

Материалом исследования является роман А. Беляева «Звезда Кэц» (Беляев А. Р. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Молодая гвардия, 1964. Т. 6).

Теоретической базой послужили работы, посвященные творчеству А. Беляева (Гусейнов, 2013; Иваньшина, 2016; Ляпунов, Нудельман, 1963; Осьмухина, Старцев, 2017; Старцев, 2021а; 2021b), исследованию научной фантастики (Ковтун, 2016; Козьмина, 2017), изучению своеобразия сказочной поэтики и специфики переосмысления волшебной-сказочной традиции в научной фантастике (Пропп, 2000; Мелетинский, 2005; Неелов, 1986а; 1986b; Неелов, Струкова, 2013).

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при реализации спецкурсов по истории русской фантастической прозы и истории отечественной детской литературы.

Обсуждение и результаты

Роман А. Беляева написан от лица Леонида Артемьева и представляет собой воспоминания ученого-биолога об удивительном путешествии по Земле и за ее пределы, которое приводит героя на обратную сторону Луны. Необычность происходящего отмечается уже в начале первой главы, в которой сообщается, что у Артемьева, как и у героя волшебной сказки, не было никакого выбора, т. е. «герой не сам выбрал дорогу, а она “случилась”» с ним (Неелов, 1986а, с. 103), путь-дорога сама выбрала и повела его: «Кто бы мог подумать, что незначительный случай решит мою судьбу» (Беляев, 1964, с. 7). Акцентируется внимание на том, что молодой биолог был холост и уединенно жил в доме научных работников. Герой прямо описывается как сказочный сидень-«запечник», своего рода новый Иванушка-дурачок, который до поры до времени ждет своего часа: «...характер у меня нерешительный, привычки стариковские – сиднем сидеть в своей лаборатории или в кабинете» (Беляев, 1964, с. 9). Интересно, что недооценка героя получает в романе двойную мотивировку: фольклорно-сказочную и научно-фантастическую. С одной стороны, обладающий «характером тюленя»

(Беляев, 1964, с. 10) Леонид ждет своего часа, ожидание его напоминает «состояние, предшествующее совершению подвигов или достижению удачи» (Мелетинский, 2005, с. 198). С другой – Артемьев занимается «задержкой созревания фруктов» (Беляев, 1964, с. 11), чтобы решить проблему переработки и хранения урожая, то есть правильное ожидание – часть его научной работы. Если в сказочной традиции «запрет покидать дом» (Пропп, 2000, с. 29) был связан с сохранением или обретением магических способностей, позволявших управлять различными стихиями, то в романе Беляева силы природы изучаются и покоряются с помощью науки. Важно, что подобное уединение всегда было частью инициации, символического путешествия/перехода, во время которого герой «умирал и затем вновь воскресал уже новым человеком» (Пропп, 2000, с. 39).

Разлад в размеренную жизнь биолога вносит незначительное на первый взгляд, но судьбоносное происшествие, которое и становится отправной точкой удивительного приключения. Изначально роль «недостачи» (Пропп, 2001, с. 35) играет поломка радиоприемника. На выручку Артемьеву приходит его соседка Антонина Герасимова, ассистент физико-технического института, которая и берет на себя функцию «волшебного помощника» (Пропп, 2001, с. 39), она «лечит» приемник (Беляев, 1964, с. 8). Устранение пустяковой неполадки приводит молодого ученого к осознанию жизненно важной «недостачи». Герой понимает, что Тоня ему симпатична, видеть ее «стало жизненной необходимостью» (Беляев, 1964, с. 9). Артемьев прислушивается к совету девушки и постепенно выбирается из своего «кокона», начинает «переделывать свой характер» (Беляев, 1964, с. 9).

Поворотным моментом в судьбе героя становится встреча с «чернобородым» незнакомцем «на углу проспекта Двадцать Пятого Октября и улицы Третьего Июля» (Беляев, 1964, с. 9), то есть на перекрестке, традиционном месте встречи с представителями иного мира. Послание незнакомца – это своего рода вызов, отправленный героям из иного мира. С этого момента роль «недостачи» играет исчезновение Евгения Палея, старого друга Тони, которого и отправляются разыскивать герои романа. Целью путешествия является ликвидация этой «недостачи». Артемьев берет на себя функцию героя-искателя: «...путь, за которым следит рассказ, путь, на котором строится действие, есть путь искателя» (Пропп, 2001, с. 38). В романе Беляева находит отражение невозможный для народной волшебной сказки синтез функций: Тоня/«царевна-невеста» заставляет героя все бросить и отправиться на поиски неведомого Палея, она «испытывает жениха, задавая ему различные трудные задачи» (Пропп, 2000, с. 262), но в то же время в пути не столько Леонид помогает девушке в ее поисках, сколько именно она продолжает честно выполнять свой долг «волшебного помощника», максимально облегчая бывшему кабинетному сидню тяготы дальней дороги.

Следы Палея приводят героев в таинственный Кэц, оказавшийся новым городом на Памире, который еще не успели нанести ни на одну карту. Антонина прокладывает дорогу в город-призрак, используя самые быстрые средства передвижения. На смену ковру-самолету приходят сконструированные по чертежам К. Э. Циолковского аэроплан, напоминающий огромную птицу полуреактивный стратоплан, летящий без колес сверхскоростной реактивный поезд и дирижабль, «металлический гигант из гофрированной стали» (Беляев, 1964, с. 16) с мачтами и гондолами, унаследованными от сказочного летучего корабля. Значимо, что путешествие в призрачный Кэц (также названный в честь К. Э. Циолковского) Артемьев помнит «смутно» (Беляев, 1964, с. 13), время, затраченное на перелет в иной мир, практически сжимается для него в один миг. Если герой фольклорной сказки получал власть над пространством и временем с помощью волшебного помощника и чудесных предметов, то «новый человек» Беляева (Ляпунов, Нудельман, 1963, с. 13) покоряет вставшие на его пути природные стихии благодаря новейшим достижениям науки и техники.

Используя классификацию Е. М. Неелова, можем определить Артемьева как фигуру У-У, объединяющую в себе ипостаси «ученого», биолога, стоящего на позиции науки, и «не-ученого». На все технические «чудеса» своего путешествия герой смотрит как «обыкновенный, не искусленный в науках человек, встречающийся с Неведомым» (Неелов, 1986а, с. 54). Уникальные устройства и разработки (включая орбитальную станцию Звезду Кэц), которые открывают перед Леонидом его путь-дорогу, играют в романе роль ЧП, своеобразного «персонифицированного “чрезвычайного происшествия”», которое всегда «принадлежит к иному миру, нежели У и -У» (Неелов, 1986а, с. 55). Такая двусоставность образа главного героя романа, ориентированная на эмоциональное переживание собственной научной позиции, позволяет Беляеву вывести на первый план научно-фантастическое мироощущение, благодаря которому знание «очеловечивается», «исчезает характерный разрыв между тем, что человек знает о мире, и тем, как он видит мир, как ощущает» (Неелов, Струкова, 2013, с. 38-39). Так, уже на «космическом» уровне фантаст вновь поднимает ключевой для его творчества вопрос: как наука может и должна служить человеку, делать его жизнь лучше.

Кэц, предстающий в романе Беляева научно-фантастическим вариантом пограничной зоны между своим и иным мирами, полностью оправдывает такое сопоставление. Образ города на Памире двойственен. Можно сказать, что на смену сказочному дому в лесу, в котором во время посвящения жили коммунальщиками братья-неофиты, приходит научный городок в горах, превращающийся во временный дом для ученых, объединенных исследовательской работой. Кэц неприступен и окружен высокими горами, для непосвященных его просто не существует. Открывается город только для тех, кто становится частью общего дела, «посвященные рассматриваются как особенно тесно связанные друг с другом, почти как родные» (Пропп, 2000, с. 95).

На уставшего от дороги Артемьева эта «крыша мира» и горное «подножие смерти» изначально производят «мрачное впечатление» (Беляев, 1964, с. 16). Герою даже физически тяжело находиться в городе, здесь холодно и тяжело дышать вне гостиницы, в которой созданы все условия для жизни и работы специалистов. Многое в этом «чужом» мире необычно: на улицах и в помещениях практически нет пыли, разговоры местных наполнены новыми непонятными словами (аборигенными географическими названиями и сложными

научными терминами). Вскоре герой замечает хорошую еду, уют и чистоту ярко освещенного и окруженного садами города. До появления ученых на высоте нескольких тысяч метров не произрастало никакой зелени. Пороговый характер удивительного города подчеркивается и тем, что он возник благодаря Звезде Кэц, искусственному спутнику Земли, которая объединяет в себе функции станции-лаборатории и ракетододрома дальнего межпланетного сообщения.

Для Артемьева город на Памире действительно становится местом перехода в иной мир. Погоня увлекает героя за пределы родной планеты. Интересно, что превращение бывшего кабинетного ученого в космического обитателя начинается с традиционного сказочного беспробудного сна: «Уже давно не спал я так крепко, как в эту ночь» (Беляев, 1964, с. 21). Дальнейшая подготовка путешественников к полету во многом пародийно обыгрывает волшебное-сказочное преображение героя в избушке Бабы-яги, отсылающее, в свою очередь, к традициям инициации и похоронного обряда. В сказке посвящение героя в лесной избушке обычно сопровождалось «телесными истязаниями и повреждениями», символически представляло собой «нисхождение в преисподнюю» (Пропп, 2000, с. 39, 79), в огне которой должен был умереть и вновь возродиться неофит. Предварительная дезинфекция в установке, которую местные красноречиво называют «чистилищем», для Артемьева также оборачивается тяжелым физическим испытанием: «Мне пришлось перенести промывание желудка, кишок и подвергнуться новым для меня процедурам облучения неизвестными аппаратами. <...> Я был порядком измучен» (Беляев, 1964, с. 29). Тоня, прошедшая аналогичное «промывание», прямо говорит: «Да, баня была прекрасная» (Беляев, 1964, с. 29). Облачившись в новые стерильные костюмы, то есть получив «знаки пройденного обряда» (Пропп, 2000, с. 39), молодые ученые превращаются в «неземных» (Беляев, 1964, с. 30), они больше не принадлежат Земле, но и небесными обитателями еще не стали. Но Артемьев по-прежнему боится лететь. Узкую камеру ракеты Леонид сравнивает с гробом, а во время полета, сильно нагревшись, кабина практически превращается в печьку той самой Бабы-яги.

Фантастическое «перепекание» героев завершается на станции, где «звездные жители», обитатели Звезды Кэц, называют извлеченных из ракеты-«печки» путешественников «небесными младенцами» (Беляев, 1964, с. 34). Чтобы стать полноценными членами необычного научного сообщества, «новорожденным» необходимо научиться жить в новом для них пространстве: ориентироваться и правильно двигаться в условиях невесомости, по-новому есть и спать. Если город на Памире был границей между «своим» и «чужим», то на станции путешественникам чуждо все. Здесь сама Земля становится лунной-спутником и одновременно обогревателем для Звезды Кэц, теряют смысл пространственные ориентиры «верх» и «низ», смена дня и ночи ускоряется. В горном климате станции, практически лишенной силы тяжести и облучаемой космической радиацией, летающие по коридорам или ползающие по стенам «небесные» обитатели начинают походить на животных (рассказчик часто сравнивает коллег с птицами, летучими мышами и пауками), а подопытные животные очеловечиваются. Оранжевые лаборатории-спутника наполнены такой яркой зеленью, которой не бывает на Земле. Интересно, что особое место в вегетарианском меню станции занимает пришедшая на смену сказочной репке уникальная «кэцовская репа» (Беляев, 1964, с. 42). «Волшебная еда», которая в сказке окончательно приобщает пришельца к иному миру, «очищает от земного и превращает человека в неземное, летучее, легкое существо» (Пропп, 2000, с. 50-51), в романе оборачивается плодом научной работы ученых-селекционеров.

Кэц не столько пугает Артемьева, сколько поражает и влечет его. Возможность иначе взглянуть на новый для него мир герой получает в библиотеке станции, которая больше напоминает санаторий. Там биолог узнает, что исследования, которые проводятся на станции и за ее пределами, – это только вершина айсберга, лишь часть огромной созидательной работы по «великой переделке Земли» (Беляев, 1964, с. 48). По сути глава «В библиотеке» представляет собой обладающий определенной самостоятельностью вставной рассказ-«сциентему» утопического характера, специфический «гибрид научно-популярной и литературной форм», в котором синтезируются популяризация науки и эстетическое воздействие на чувства и воображение читателя (Козьмина, 2017, с. 150). В этой главе рассказчик знакомится с основными научными идеями Циолковского об обустройстве Земли и изучении Солнечной системы. Освоение враждебного для человечества пространства напоминает сказочные превращения. И вновь на смену волшебству приходит наука: тропические джунгли Африки расчищаются под культурное земледелие, люди обживают леса и океаны, пустыни становятся цветущими оазисами, непреступные горы покрываются зеленью (Беляев, 1964, с. 48). Венчает жизнеутверждающую картину торжества созидательной научной мысли подробное описание цветущего сада-оазиса посреди тундры за Полярным кругом, существование которого обеспечивает искусственное солнце, вогнутое зеркало Звезды Кэц: «Темная морозная полярная зима, как в сказке, превращалась в дружную весну» (Беляев, 1964, с. 51). Фантастическое преображение Земли, превращение «чужого» в «свое», изображается Беляевым не как чудо, а как закономерный и ожидаемый результат совместной работы всего человечества, работы ежедневной, тяжелой, сопряженной с постоянной борьбой и опасностями, но приносящей радость и удовлетворение.

Оказавшись на орбите, Артемьев становится участником этой большой работы. С этого момента Леонидом движет именно «страсть ученого» (Беляев, 1964, с. 78) и жажда научного поиска. Освободившийся от опеки Тони Артемьев теперь больше напоминает не «низкого», а «высокого» героя волшебной сказки. Апогеем испытания героя можно назвать его путешествие на Луну в качестве биолога, редкого и ценного специалиста Кэца, полноправного члена первой в истории экспедиции на спутник Земли.

Путь-дорога приводит героя на обратную сторону Луны, которая предстает в романе самой отдаленной локацией научно-фантастического «тридцатого царства». Значимо, что перед высадкой Артемьев вновь засыпает

и видит во сне свою прошлую жизнь. Пробуждается герой уже в ином мире. Первопроходцы чувствуют, что даже газ из кислородного баллона «приобрел здесь иной “вкус”» (Беляев, 1964, с. 95). Космонавты в прямом смысле оказываются в царстве мертвых: их окружают «мертвая пустыня» и будто висящие в пустоте «горы причудливых очертаний» (Беляев, 1964, с. 96-97). Все в этом новом мире чуждо пришельцам, сами путешественники уже не равны себе прежним: резкая граница света и тени делает людей похожими на «необычайных уродов» (Беляев, 1964, с. 103), прыгающих по поверхности на одной ноге и размахивающих одной рукой.

Вскоре Артемьев случайно обнаруживает настоящее «кладбище вымерших животных», целый мир, чужой, манящий, но и смертельно опасный (Беляев, 1964, с. 111). На смену сказочному дремучему лесу приходят лунные кораллы, «целый лес “ветвистых рогов”», и окаменевшие кости, «пилы, прямые винтообразные бивни, как у нарвалов, хрящевые пластины, ребра» (Беляев, 1964, с. 111). Еще одним фантастическим вариантом темного леса предстают «выходы огромных горных хрусталей» (Беляев, 1964, с. 113). Охватившая первопроходцев «алмазная горячка» (Беляев, 1964, с. 114) тоже получает двойную мотивировку: научно-фантастическую и волшеббно-сказочную. С одной стороны, это «“геологическое” безумие», не жажда жизни, а «жадность ученого» (Беляев, 1964, с. 113), оказавшегося на пороге уникального открытия. С другой – сумасшествие землян может читаться и как специфическая форма измененного состояния сознания, которое является обязательной составляющей процесса инициации, «моментом приобретения соответствующих способностей» (Пропп, 2000, с. 69), следующим шагом на пути познания мира и самореализации. Безумие беляевских героев окрашено в романтические тона, т. к. они «способны заглянуть за границы воображения и найти вполне рациональные ответы на интересующие их вопросы» (Осьмухина, Старцев, 2017, с. 191). Вдохновение ученых отождествляется с талантом, который дает возможность изменить все вокруг. Но открывая новое, постепенно превращая «чужое» в «свое», первопроходцы неизбежно изменяются сами.

Кульминацией путешествия Артемьева является спуск к центру Луны, которая оказывается «наполовину треснувшим шаром» (Беляев, 1964, с. 119). Неумное любопытство героя приводит к тому, что, заблудившись в скалах, он остается один на один с черной бездной. В глубине разлома ему открываются невиданные чудеса, на фоне которых бледнеют все прежние открытия землян. Даже в безвыходном положении, оставаясь на позиции «ученого»/«не-ученого» (У -У), Леонид продолжает смотреть на дразнящие его тайны «чужого» мира как на величайшие научные открытия: «водопады» самоцветов и меловые горы, о существовании которых никто не догадывался, разноцветные пятна «войлока» на стенах каньона и «бугристые камни», оказывающиеся неизвестными видами мхов и животных (Беляев, 1964, с. 125, 128). Лишь предчувствуя близкий конец, страдая от усталости, жажды, голода и надвигающегося удушья, герой частично отходит от точки зрения ученого и доверяется инстинкту: пытаюсь выбраться из лабиринта, «не-ученый» перестает «мудрить и вычитывать» (Беляев, 1964, с. 128). Смертельная опасность вытесняет увлеченность исследователя из сознания Леонида, оставшегося беззащитным во враждебном ему мире: «Гибну! <...> С черного неба на меня смотрело синее мертвое Солнце. Вот так же безучастно оно будет освещать мой труп...» (Беляев, 1964, с. 129). Пережитое в недрах Луны, названных «ущельем Смерти» и «страной Снов» (Беляев, 1964, с. 131, 132), предстает в романе Беляева символической временной смертью героя. Рассказчик иронично замечает, что, придя в себя после злоключений в каньоне, он «пил и ел за пятерых» (Беляев, 1964, с. 132). Выбравшийся живым из лунного «чрева» Артемьев завершает свою инициацию, в полной мере достигая реализации всех своих сил и возможностей и как «ученый», и как «не-ученый».

На обратном пути герой осознает, что больше не ощущает того страха, который пробуждало в нем все неизвестное, на Звезду Кэц ученые летят «как “домой”» (Беляев, 1964, с. 133). Если герой волшебной сказки возвращался из тридцатого царства с магическими предметами или умениями, то Артемьев и его товарищи приносят в дар человечеству новые научные знания о спутнике Земли: «...“кусочки Луны” мы везли с собой на Кэц, на Землю. Это по-новому сближало, почти роднило нас с Луной» (Беляев, 1964, с. 133). В фольклорно-сказочной традиции путь-дорога всегда приводила к границе, давая возможность проникнуть в «чужой» мир и получить искомое, этот процесс обычно отмечался «своеобразным эффектом, напоминающим эффект ступенчатого сужения образа» (Неелов, 1986а, с. 98). В романе Беляева происходит литературное переосмысление фольклорного образа. Каждая новая граница, которую преодолевают Артемьев и его товарищи, открывает перед ними новые локусы иного мира, освоение «чужого» пространства постепенно расширяет его. Для Леонида путешествие конечно (как для научно-фантастического героя), он возвращается домой, но для всего человечества путь-дорога к звездам принципиально бесконечна и связана с эволюцией познания окружающего мира и самого себя.

Для прошедшего испытание Луной Артемьева повседневная работа на станции, которая совсем недавно представлялась ему вместилищем оживших ночных кошмаров, оборачивается «звездными буднями» (Беляев, 1964, с. 133). Особо необходимо подчеркнуть, что постепенное освоение героями Беляева «чужого» пространства не отменяет его враждебной природы. «Чужое» в романе становится своего рода индикатором, который, как и в волшебной сказке, дает возможность проявиться тем качествам, которые изначально заложены в героях. Космос за пределами Звезды Кэц (обустроенного, обжитого, отвоеванного у иного мира, отчасти уже своего пространства) по-прежнему опасен для землян, его воздействие непредсказуемо. Так, например, всегда спокойный и добродушный биолог Крамер под действием космических лучей превращается в ревнивого невротика, а руководитель зоолаборатории Фалеев, отличавшийся остротой ума, «с каждым днем... становится все более бестолковым и рассеянным» (Беляев, 1964, с. 155). Старые товарищи Артемьева начинают вести себя как чужаки. В то же время нового друга Леонид находит в мутировавшем от той же космической радиации псе Джипси, который прежде казался страшным «чудовищем» с перепонками на лапах:

«...у Джипси были большие, совсем по-человечьи грустные карие глаза, полные мысли» (Беляев, 1964, с. 153). Удивительный пес, понимающий человеческую речь и общающийся с помощью жестов и мимики, помогает Артемьеву справиться с затеявшим драку Крамером.

Случаи подобного «острого помешательства» на Кэце были и раньше. Один из «небесных переселенцев» однажды вообразил, что он «на том свете» (Беляев, 1964, с. 168). Значимо, что «загробный» внеземной мир, сводящий с ума и уродующий одних, другим дарит новую жизнь. Директор станции Пархоменко на Земле был практически приговорен к смерти, космос излечил его от третьей стадии туберкулеза с кровохарканьем: «И вот теперь я здоров как бык. Звезда Кэц делает и не такие чудеса» (Беляев, 1964, с. 59). Позже Пархоменко обрел и личное счастье, женившись на одной из сотрудниц станции. Интересно, что все трудности и даже смертельные опасности, которые приходится преодолевать героям Беляева, оборачиваются научной задачей, решение которой лишь дело времени. Образ ученого как «нового человека» в творчестве фантаста приобретает этическую окраску, Беляев имеет в виду «личность, в сравнении с обычными людьми, более совершенную и в физическом, и в интеллектуальном отношении, обладающую поистине фантастическими возможностями» (Старцев, 2021а, с. 309). Но если в произведениях 1920-х годов на первый план выдвигался тип ученого-фанатика (Вагнер, Сальватор), то в романе «Звезда Кэц» (1936 г.) предстает ученый-труженик.

В финале романа Артемьев и Тоня наконец встречаются с неуловимым Палеем, им оказывается таинственный «чернобородый» Евгеньев, тот самый вестник иного мира, побудивший героев броситься в погоню за ним в начале их необыкновенного путешествия. Собственный путь инициации прошел и он. Лишь по голосу Герасимова узнает старого друга в героическом «завоевателе небесных пространств» (Беляев, 1964, с. 175), который за прошедшие годы успел не только добиться больших успехов в новой профессии, но и обзавестись семьей (именно фамилию жены-оригиналки и взял себе после свадьбы Палей). Сам Евгеньев-Палей свое преобразование оценивает положительно: «Палей мне было не жалко: он человек увлекающийся. Бросает работу на самом интересном месте... Быть может, Евгеньев будет лучшим работником» (Беляев, 1964, с. 178). Значимо, что в заключительных главах сообщается сразу о нескольких свадьбах. В романе Беляева, как и в волшебной сказке, свадьба становится «знаком рождения новой жизни» и свидетельством того, что «герой осуществил свое жизненное предназначение», нашел свое счастье, то есть достиг полной «реализации всех возможностей человека» (Неелов, 1986а, с. 104-105). Для фантаста счастье его героев – это максимальный успех как в любви и дружбе, так и в профессиональной научной деятельности, от которой напрямую зависит благополучие всего человечества.

Прощаясь с прошлой жизнью, Леонид и Тоня не только признаются друг другу в любви, но также и подводят итог своих научных изысканий. Артемьев решительно заявляет, что покинуть станцию он сможет только после того, как завершит все начатые в зоолаборатории исследования. Качественные изменения в отношении героя к жизни девушка воспринимает как свою победу: «Ты, кажется, успешно дозрел на Кэце... <...> Этой твердости характера я в тебе еще не замечала. Что же, таким ты мне больше нравишься» (Беляев, 1964, с. 179). Фантастический мир романа закрывается сказочным финалом. Заканчивая рассказ об удивительных приключениях, которые предшествовали его «не совсем обычной женитьбе» (Беляев, 1964, с. 182), Артемьев коротко описывает успехи друзей и коллег как на научном поприще, так и в личной жизни. Всех, кого герой встретил на жизненном пути, он считает членами своей семьи. В конечном итоге понятие семьи расширяется до представления о человеческом братстве Земли. Наследником большого общего дела своих родителей и всех землян становится сын Леонида и Тони, которому в будущем предстоит пройти свой собственный путь, чтобы когда-нибудь стать настоящим «жителем звезд» (Беляев, 1964, с. 182).

Заключение

Подводя итог, отметим, что сюжетообразующим в романе А. Беляева «Звезда Кэц» становится движение главного героя от недостачи к ее ликвидации через прохождение пограничных локусов (город на Памире и орбитальная станция Кэц), характеризующихся синтезом примет «своего» и «чужого» пространств, которые подготавливают переход героя в качественно иное состояние. Роль недостачи играет стремление Артемьева к полной реализации своих возможностей и как ученого, и как человека («не-ученого»).

Открывая новое и превращая «чужое» в «свое», Артемьев неизбежно изменяется сам. Сила сказочного героя заключалась в магических способностях, в романе его сменяет научное знание. Преобразование «чужого» в «свое» предстает в романе не чудом, а закономерным результатом ежедневной напряженной работы всего человечества, работы тяжелой и опасной, но приносящей радость и удовлетворение. Истинное счастье героев Беляева – это максимальный успех как в личной жизни, так и в профессиональной научной деятельности, от которой зависит благополучие всей Земли.

Волшебной-сказочный комплекс «путь-дорога» в романе переосмыслен как путешествие-инициация главного героя, в процессе которого научное изучение, освоение и преобразование окружающего мира напрямую связывается с самореализацией познающего. На смену ученым-фанатикам, энтузиастам и одиночкам, из произведений 1920-х годов приходит ученый-труженик, для которого большое значение имеет поддержка коллектива единомышленников. Если для Артемьева путешествие конечно, то путь-дорога человечества к звездам изображается как принципиально бесконечное движение, важная часть эволюции познания окружающего мира и самопознания. основополагающая для волшебной сказки идея о личном счастье главного героя расширяется в романе до представления о благополучии человеческого братства Земли.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в более детальном изучении специфики переосмысления волшебного-сказочной традиции в произведениях Беляева 1920-х и 1930-х гг., которое, в свою очередь, позволит расширить представление о роле творчества писателя в истории развития отечественной и мировой фантастической прозы.

Источники | References

1. Гусейнов Р. А. Образ ученого в фантастике Жюль Верна и Александра Беляева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-1 (27).
2. Иваньшина Е. А. Жизнь или смерть? Фаустианские мотивы в творчестве А. Р. Беляева // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. Т. 26. Вып. 3.
3. Ковтун Е. Н. Мир будущего в современной научной фантастике: специфика художественной модели // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 4. DOI: 10.15393/j9.art.2016.3747
4. Козьмина Е. Ю. Фантастика начала XX века в жанровом освещении // Научный диалог. 2017. № 6. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-6-148-157
5. Ляпунов Б., Нудельман Р. Предисловие // Беляев А. Р. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Молодая гвардия, 1963. Т. 1.
6. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М. – СПб.: Академия исследований культуры; Традиция, 2005.
7. Неелов Е. М. Волшебные корни научной фантастики. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986а.
8. Неелов Е. М. Жанровая специфика научной фантастики и поэтика фольклорной волшебной сказки // Жанр и композиция литературного произведения: межвуз. сб. Петрозаводск, 1986б.
9. Неелов Е. М., Струкова А. Е. Русская фантастика: нерешенные проблемы. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 2013.
10. Осьмухина О. Ю., Старцев Д. И. Специфика воплощения мотива безумия в творчестве А. Р. Беляева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 4.
11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.
12. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001.
13. Старцев Д. И. С. Павлов («Акванавты (Океанавты)») vs А. Беляев: диалог на расстоянии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021а. Т. 14. Вып. 2.
14. Старцев Д. И. Творчество А. Р. Беляева и традиции научно-фантастической прозы в русской литературе второй половины XX в.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2021б.

Информация об авторах | Author information

Пономарева Дарья Васильевна¹, к. филол. н.
¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Ponomareva Darya Vasilyevna¹, PhD
¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don

¹ dvponomareva@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.07.2023; опубликовано online (published online): 06.09.2023.

Ключевые слова (keywords): А. Беляев; фантастика; сказка; путь-дорога; фольклор; A. Belyaev; science fiction; fairy tale; path-road; folklore.